

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.111'42:811.111'276.6:32
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55
DOI 10.26170/pl20-05-01

ГСНТИ 16.21.07; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

С. Л. Кушнерук

Южно-Уральский гос. гуманитарно-педагогический ун-т; Челябинский гос. ун-т, Челябинск, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4447-4606

 E-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

Дискурсивный мир информационно-психологической войны: репрезентационная структура по данным корпуса

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы миромоделирования в зарубежных СМИ. Исследуется дискурсивный мир информационно-психологической войны, объективируемый средствами текстуальности в англоязычных медиа. Цель — основываясь на данных корпуса, охарактеризовать дискурсивный мир информационно-психологической войны как репрезентационную структуру. Частные задачи: установление макрофреймов, выявление особенностей фреймирования и идеологических смыслов, отражающих специфику конструируемой в дискурсивном мире медиареальности. В качестве материала для анализа используются ресурсы англоязычных СМИ в период с 2015 по 2020 г. Выборка, содержащая 101 текст, извлечена из корпуса «News on the Web». Применяются описательный метод, дискурсивный анализ, контекстуальный анализ, а также методика комбинирования качественного и количественного анализа.

Рассматриваются онтологические характеристики дискурсивного мира информационно-психологической войны. Раскрывается понятие репрезентационной структуры. Утверждается целесообразность сочетания социально-конструкционистского, когнитивно-дискурсивного и корпусного подходов для анализа ментально-языковых конструкций в дискурсе.

Устанавливаются параметры репрезентационной структуры в англоязычных СМИ. Производится количественный анализ ключевых элементов для обнаружения макрофреймов, участвующих в смыслообразовании. Дается качественная характеристика дискурсивного мира информационно-психологической войны по выделенным в корпусе ключевым существительным и словосочетаниям. Доказывается, что его когнитивными «опорами» являются макрофреймы «ИНФОРМАЦИЯ» и «ПРОТИВОБОРСТВО», имеющие разветвленную фреймо-слововую организацию. Изучается фокусировка фреймов, выступающих интерпретационными схемами и влияющих на оценки читателей. Анализируются идеологические импликации, дающие представление о характере противоборства между Западом и Россией. Исследование представляет интерес для специалистов, разрабатывающих теорию когнитивно-дискурсивного миромоделирования и теорию языка информационного противоборства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационно-психологические войны; дискурсивный мир; миромоделирование; политический дискурс; когнитивно-дискурсивный подход; когнитивная лингвистика; английский язык; языковые средства; журналистика; медиалингвистика; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации; язык СМИ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; профессор кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69; e-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кушнерук, С. Л. Дискурсивный мир информационно-психологической войны: репрезентационная структура по данным корпуса / С. Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 12-21. — DOI 10.26170/pl20-05-01.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева» по договору на выполнение НИР от 01.06.2020 г. № 16-298 по теме «Миромоделирование в англоязычном медиадискурсе на фоне вызовов времени: когнитивный, прагматический и идеологический аспекты».

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху противостояния между Востоком и Западом проблемы защиты национальных интересов, противодействия информационным атакам, вбросам и пропаганде, оказывающей разрушительное воздействие на характер отношений между мировыми державами, приобретают особую остроту.

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью изучения миромоделирования в иноязычном медиадискурсе, в котором происходит конструирование систем значений, определяющих оценки и мнения читателей о России и ее политических инициативах. В рамках дискурсологии эту проблему предлагается рассмотреть по-новому — в аспекте репрезентационных структур, объ-

© Кушнерук С. Л., 2020

ективируемых в медиакommunikации сред-ствами языка. **Цель** настоящей статьи — охарактеризовать дискурсивный мир инфор-мационно-психологической войны (далее — дискурсивный мир ИПВ) как репрезентацион-ную структуру в англоязычном медиадискурсе, основываясь на данных корпуса.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В начале нынешнего столетия «выдви-жение» темы информационного противобор-ства в центр мировой общественной жизни имеет массу следствий, которые представ-ляют лингвистический интерес и могут быть раскрыты с применением корпусного инст-рументария. Развивая теорию когнитивно-дискурсивного миромоделирования (основ-ные публикации автора представлены на сайте <http://discourseworld.ru/>), мы отстаива-ем идею о том, что репрезентационные структуры — ментальные конструируемые раз-ной степени концептуальной сложности, соотно-симые с процессами и результатами пред-ставления мира и/или его фрагментов, — регулярно объективируются в медиадискурсе вербально-семиотическими ресурсами языка.

Социально-конструкционистский, когни-тивно-дискурсивный и корпусный подходы принципиально значимы для исследования по ряду причин. Первый из них раскрывается в трактовке, идущей от В. Бурр, К. Гергена, которые выделяют несколько важных посы-лок: 1) дискурс формирует, конструирует «социальный мир»; 2) «способы понимания и репрезентации мира имеют исторически и культурно обусловленную специфику»; 3) «знания возникают в процессе социально-го взаимодействия» между людьми; 4) в кон-тексте заданного мировидения «некоторые способы поведения становятся естествен-ными, а другие — неприемлемыми» [Йор-генсен, Филлипс 2008: 23—25]. Согласно когнитивно-дискурсивному подходу, мен-тальные структуры и структуры языка актив-но взаимодействуют в процессах текстопо-строения и текстовосприятия, а структуры значения есть структуры представления знаний. Избранная система взглядов под-черкивает активную роль дискурса в созда-нии социальной реальности. Она обеспечи-вает понимание того, что в СМИ действи-тельный мир отражается не нейтрально, но интенционально конструируется, а также дает возможность глубже изучить, как за счет актуализации репрезентационных структур в дискурсе происходит формиро-вание мировосприятия зарубежных читателей в отношении нашей страны.

В предлагаемом исследовании социаль-но-конструкционистский подход сочетается с когнитивно-дискурсивным и корпусным для того, чтобы усилить качественный анализ исследуемого материала количественным. Такой симбиоз называется смешанным (mixed-methods approach). Он фактически включает класс методик, применяя которые исследователь комбинирует качественные и количественные элементы [Богоявленская 2016; Борискина, Шилихина 2017; Creswell 2009; Johnson & Onwuegbuzie 2004; Qaiwer 2016]. Основные преимущества методологи-ческого «микса» заключаются в возможности применения нескольких исследовательских стратегий, отражающих логику развертыва-ния программы действий по изучению кон-цептуально сложных репрезентационных структур. В частности, речь идет о двух сле-дующих:

— *экспланаторная стратегия* нацелена на обоснование выбора материала, перво-начальный сбор языковых данных в корпусе и формальное распределение количествен-ных показателей по установленным пара-метрам;

— *интерпретирующая стратегия* реали-зуется посредством количественного анализа полученной выборки с последующей качест-венной интерпретацией данных на основе имеющихся в распоряжении показателей.

Сочетание указанных выше подходов делает исследование объекта мультипер-спективным и, как представляется, способ-ствует изучению ментально-языковой струк-туры с учетом диалектического единства формы и содержания в их дискурсивной ди-намике.

ОНТОЛОГИЯ ДИСКУРСИВНОГО МИРА ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Лингвистика информационно-психологи-ческой войны, объектом которой выступает язык как средство осуществления информа-ционного противоборства, стремительно развивается. Достаточно указать на некото-рые значимые публикации в этой области, чтобы увидеть, что дискурсологи стремятся внести вклад в создание основ лингвистиче-ской безопасности России [Лингвистика... 2017, 2019, 2020]. В дискуссионном научном поле сосуществуют многочисленные иссле-довательские позиции, которые по характеру целей и задач соотносятся с двумя веду-щими направлениями — когнитивно-дискур-сивным и коммуникативно-прагматическим [Кушнерук, Чудинов 2019].

Учитывая ментально-языковую природу структур, объективируемых в медиадискур-

се, автор настоящей публикации рассматривает дискурсивный мир ИПВ как репрезентационную структуру. При этом *репрезентация* не сводится к семиотическому толкованию как набору символов, «поставленных в соответствие с объективно структурированным миром» [Лакофф 2011: 11], или к нетерминологической трактовке как использованию языка, знаков и образов, которые представляют объекты и явления мира [Hall 2009: 6].

Используя термин «репрезентационная структура», мы учитываем двойственную природу репрезентации. С одной стороны, она рассматривается как результат интерпретационной деятельности человека, которая приводит к образованию ментальных конструктов [Кубрякова, Демьянков 2007]. Второй стороной является объективация в дискурсе: вербально-семиотическое воплощение мыслительного содержания в текстовом пространстве обеспечивает миромоделирование в интересах «символических элит» (Т. ван Дейк), к которым относятся журналисты, имеющие доступ и контролирующие способы медиадискурсивного воспроизводства.

Термин *дискурсивный мир* обосновывается в теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования [см.: www.discourseworld.ru] для обозначения ментально-языковой структуры, которая отражает избирательное представление действительности в дискурсе. Понятие, выработанное на основе положений теории текстовых миров, обозначает когнитивную структуру представления фрагментов мира в дискурсе, которая создается предопределенной целеустановками коммуникации совокупностью элементов текстуального и контекстуального характера [Gavins 2007; World Building 2016; Tinceva 2018; Werth 1999].

Проективную реальность, создаваемую в медиадискурсе вербально-семиотическими средствами языка, актуализирующими семантику информационного противостояния, мы называем дискурсивным миром ИПВ [Лингвистика... 2019: 342]. Содержание этой концептуально сложной структуры объективируется в медиатекстах, связанных темами борьбы, противоборства, вражды.

Важно подчеркнуть, что дискурсивный мир ИПВ актуализируется на уровне макро- и микроструктур. Акцентируя внимание на первых, мы разделяем позицию Т. ван Дейка. Макроструктуры — наиболее абстрактные семантические или концептуальные структуры, которые организуют «локальные» микроструктуры дискурса, взаимодействие и их когнитивную переработку [van Dijk 1980:

V]. Дискурсивный мир ИПВ обладает своей макроструктурой, т. е. имеет глобальное концептуальное значение, которое организовано макрофреймами.

Как будет показано ниже, макрофреймы функционируют в медиадискурсе, предлагая способы интерпретации явлений и событий, чем влияют на убеждения, отношения, поведение и оценки людей. Понятия макрофрейма, фрейма, субфрейма имеют общее семантическое ядро, позволяя в целом говорить о том, что отношение людей к событию или явлению зависит от фокусировки внимания читателей, закрепляющей индивидуальное мнение о фрагменте действительности, который соответствует фреймовой структуре [Беляевская 2017: 120].

Высокая актуальность темы ИПВ предопределяет регулярное использование журналистами определенных лексических средств, которые являются ключевыми и/или частотными. Нельзя не согласиться с тем, что частотность — важная характеристика слова в дискурсе, она свидетельствует о востребованности темы в жизни общества. Но это «поверхностная» характеристика, потому что в любом корпусе самыми частотными оказываются служебные слова (предлоги, союзы), дейктики (личные и указательные местоимения, наречия места и времени), слова, выполняющие грамматические функции (вспомогательные глаголы, артикли) [Борискина, Шилихина 2017: 45]. Параметр частотности слова, несомненно, важен, но параметр ключевых слов более сложный с точки зрения вклада в смысловую сторону речевых произведений и выражение идей.

«Приметами» ключевых слов, по Т. В. Шмелёвой, являются частотность (количество словоупотреблений); наличие текстового пространства (актуализация в заголовках газет, журналов); грамматические возможности (формообразование, деривация); синтагматический потенциал (сочетаемость, метафорика); парадигматические отношения (новые синонимические, антонимические связи, эвфемизация, перифразы); использование в качестве имени собственного (онимизация) социальными институтами; вхождение в состав дефиниций (пояснительных конструкций); языковая рефлексия (повышенное социальное внимание к явлению через оценки говорящих); языковая игра (паронимическая аттракция, «ложная цитация») [Шмелёва 1993].

Ключевые слова представляют собой наиболее значимые для смысловой организации текстов об информационной войне лексемы или словосочетания, использование которых обусловлено авторской идеей и

замыслом журналистов под влиянием контекста, затрагивающего «острые» политические вопросы. В результате анализа ключевых слов появляется возможность установить приоритет ценностей в пространстве дискурсивного мира ИПВ — что для журналистов, освещающих проблемы информационной войны, оказывается приоритетным, и какую роль это играет в трансляции политических, идеологических и культурных смыслов. По указанной причине каркас дискурсивного мира ИПВ в первую очередь выявляется на основе ключевых элементов.

На первом этапе «когнитивные опоры», фиксирующие существенные аспекты информационной войны в дискурсивном мире англоязычных медиа, были установлены на основе выделенных в корпусе 206 лексем и 32 словосочетаний. Каркас дискурсивного мира формируют фреймовые структуры, которые главным образом объективируются в текстовом континууме ключевыми существительными и словосочетаниями. Утверждение согласуется с пониманием сущности данных грамматических категорий. Существительные, по определению, служат для обозначения предметов (вещей, лиц, веществ, живых существ, организмов, фактов, событий, явлений), выполняя номинативную функцию, обладают такими семантическими свойствами, без которых невозможно выражение мысли. Словосочетания, отобранные в корпусе, сближаются с существительными в том, что функционируют в текстах СМИ в качестве называющих единиц для обозначения единых понятий. Ниже представлены первые двадцать результатов в каждой категории. Они ранжированы по относительной частоте употребления.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ: MEDIA / МЕДИА — 542, WAR / ВОЙНА — 494, JOURNALIST / ЖУРНАЛИСТ — 194, PROPAGANDA / ПРОПАГАНДА — 131, CONFLICT / КОНФЛИКТ — 89, INTELLIGENCE / РАЗВЕДАННЫЕ — 87, CYBER / КИБЕРСРЕДА — 84, OUTLET / СМИ — 73, WARFARE / ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ — 68, REGIME / РЕЖИМ — 49, CONSPIRACY / КОНСПИРАЦИЯ — 49, COUP / ПЕРЕВОРОТ — 34, REVOLUTION / РЕВОЛЮЦИЯ — 47, DISINFORMATION / ДЕЗИНФОРМАЦИЯ — 47, SANCTION / САНКЦИЯ — 43, TERRORIST / ТЕРРОРИСТ — 40, ALLY / СОЮЗНИК — 35, REPORTING / РЕПОРТАЖИ — 30, LIE / ЛОЖЬ — 30, HACKER / ХАКЕР — 30.

СЛОВСОЧЕТАНИЯ: INFORMATION WAR / ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА — 158, FAKE NEWS / ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ — 112, SO-

CIAL MEDIA / СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ — 94, MEDIA OUTLET / СМИ — 35, FOREIGN POLICY / ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА — 23, CONSPIRACY THEORY / ТЕОРИЯ ЗАГОВОРА — 22, NEWS STORY / НОВОСТЬ — 17, HUMAN RIGHT / ПРАВА ЧЕЛОВЕКА — 17, CYBER ATTACK / КИБЕРАТАКА — 16, NEWS ORGANIZATION / ИНФОРМАГЕНТСТВО — 16, MEDIA FREEDOM / СВОБОДА СЛОВА — 15, MEDIA PLATFORM / МЕДИАПЛАТФОРМА — 15, OTHER COUNTRY / ДРУГАЯ СТРАНА — 15, INFORMATION WARFARE / ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО — 14, COLOR REVOLUTION / ЦВЕТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — 13, NUCLEAR WEAPON / ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ — 13, MAINSTREAM MEDIA / ЦЕНТРАЛЬНЫЕ СМИ — 13, SOFT POWER / МЯГКАЯ СИЛА — 11, NUCLEAR WAR / ЯДЕРНАЯ ВОЙНА — 11, PRESIDENTIAL ELECTION / ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ — 11.

Очевидно, что сами по себе списки ключевых слов не предоставляют информацию об их контекстуальных значениях и лингвистических функциях. В связи с этим необходимо сделать переход от формальных показателей к исследованию концептуального содержания и особенностей фреймирования информации в медиадискурсе.

ХАРАКТЕРИСТИКА ДИСКУРСИВНОГО МИРА ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ПО КЛЮЧЕВЫМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ И СЛОВСОЧЕТАНИЯМ

Благодаря контекстуальному анализу ключевых слов и словосочетаний, были установлены макрофреймы «ИНФОРМАЦИЯ» (рис. 1) и «ПРОТИВОБОРСТВО» (рис. 2), включающие фреймы, субфреймы и слоты (далее выделены полужирным курсивом и курсивом), которые конституируют ментальное пространство дискурсивного мира ИПВ. Используя термин *макрофрейм* для обозначения когнитивных «опор» в дискурсивном мире ИПВ, мы подчеркиваем сложный, объемный, многомерный характер ментальных структур, которые упорядочивают знания и представления об информационном противоборстве, выделяя релевантные с точки зрения освещения факты, явления, события, мнения, позиции.

Макрофрейм «ИНФОРМАЦИЯ» конституируют фреймы **«Характер информации»**, **«Каналы распространения»**, **«Средства распространения»**, **«Распространители информации»**, каждый из которых распадается на слоты.

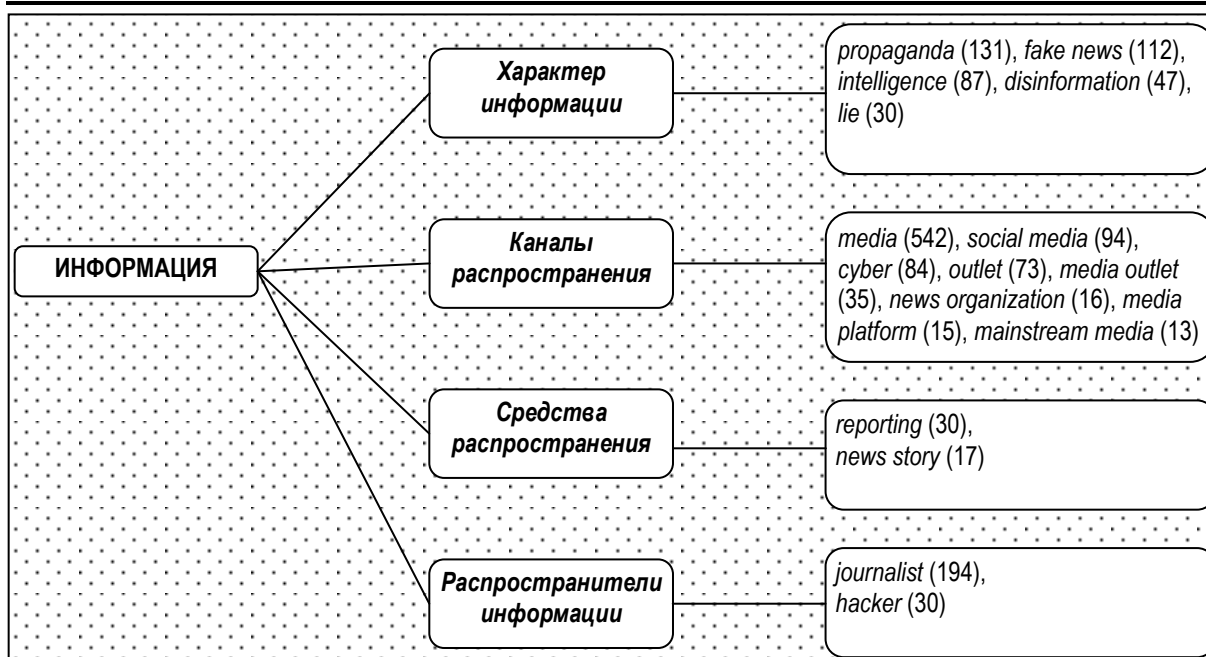

Рис. 1. Макрофрейм «ИНФОРМАЦИЯ» (фреймо-слотовый состав)

Фрейм **«Характер информации»** содержит субфрейм **«Идеологизированная информация»**, включающий слоты *propaganda* (131), *fake news* (112), *intelligence* (87), *disinformation* (47), *lie* (30). Первый из названных устанавливает фокус на том, что распространение информации носит пропагандистский характер, ассоциируется с насаждением идей, слухов с целью нанесения ущерба делу, лицу. Информация характеризуется как ложная, не соответствующая действительности, неверная, неточная, вводящая в заблуждение, умышленно распространяемая с целью повлиять на общественное мнение. Спецификой актуализации фрейма является разведывательная информация, а также сбор информации о противнике (*intelligence*). В нижеследующем примере пропаганда квалифицируется как пророссийская, что вскрывает негативную оценку нашей страны англоязычными СМИ. Ср.: *Latvia was regularly labelled a fascist state in pro-Russian propaganda* (The Sydney Morning Herald. 27.04.2017). / Пророссийская пропаганда регулярно называла Латвию фашистским государством.

Фрейм **«Каналы распространения»** включает слоты *media* (542), *social media* (94), *cyber* (84), *outlet* (73), *media outlet* (35), *news organization* (16), *media platform* (15), *mainstream media* (13). Основными каналами распространения информации являются средства массовой коммуникации, центральные СМИ, информационные агентства, медиаплатформы, социальные сети, компьютерные сети. В выдержке из газеты «Гардиан» подчеркивается, что российское ин-

формагентство запустило рекламную кампанию в качестве альтернативы американским центральным средствам вещания. Ср.: *RT America, which began broadcasting in 2010, had launched an advertising campaign promising an alternative view to the American mainstream media* (The Guardian. 09.04.2015). / Вещательная компания Russia Today America, начавшая работу в 2010 году, запустила рекламную кампанию, которая обещала альтернативное центральным американским медиа видение событий.

Фрейм **«Средства распространения»** структурируется слотами *reporting* (30), *news story* (17). Информационное освещение осуществляется в репортажах и новостях. Британские журналисты часто высказывают сомнения в их объективности и надежности. Ср.: *If a commitment to the impossibility of objective reporting means that any position, however bizarre, is no better or worse than any other, the ultimate effect, which may be the intended one, is to suggest that all media organizations are equally untrustworthy* (The Guardian. 09.04.2015). / Если убежденность в невозможности объективного освещения событий означает, что любая позиция, какой бы причудливой она ни была, ничем не лучше и не хуже любой другой, подразумеваемым следствием может быть предположение о том, что все средства массовой информации одинаково ненадежны.

Фрейм **«Распространители информации»** имеет в составе слоты *journalist* (194), *hacker* (30). Активность в распространении информации приписывается журналистам и в меньшей степени хакерам как ли-

цам, способным незаконно получать доступ к информации и вмешиваться в компьютерные системы. Метафора духов создает иронию, с которой М. Захарова критически оценивает предвзятое отношение к России со стороны западных партнеров, ср.: *“Without any analysis whatsoever we see that everything — the GRU, cyber spies, Kremlin hackers, WADA — has been poured and mixed into a single bottle of perfume, perhaps in a Nina Ricci bottle of perfume”*, TASS quoted the Russian foreign ministry spokeswoman, Maria Zakharova, as saying (Forbes. 06.10.2018). / «Без всякого анализа мы видим, что все — ГРУ, кибершпионы, кремлёвские хакеры, ВАДА — вылиты и смешаны в одном флаконе духов, возможно, „Нины Риччи“», — ТАСС процитировало пресс-секретаря МИД России Марию Захарову.

Макрофрейм «ПРОТИВОБОРСТВО» включает фреймы «Состояние противоборства», «Виды противоборства», «Сферы противоборства», «Средства противоборства», «Участники противоборства», имеющие детализацию в слотовой части.

Фрейм «Состояние противоборства» детализирован субфреймами «Война»: *war* (494), *conflict* (89), *warfare* (68); «Информационная война»: *information war* (158), *information warfare* (14). Война характеризуется как состояние антагонизма, действия в отношении расходящихся интересов, противостояние лиц, сил. Отмечается враждебность сторон, борьба за цель, состояние конфликта, приемы войны, военные действия (*warfare*). Разновидностью современной войны является информационная война (*information war*, *information warfare*). В следующем примере подчеркивается, что конфликты имеют гибридный характер, т. е. в противостояние вовлекаются разные средства, альтернативные классическому военному вторжению. Ср.: *According to Wieslaw Gozdiewicz, legal adviser to the Nato Joint Force Training Centre, disinformation campaigns will continue to be an important part of hybrid conflicts* (Computer Weekly. 05.01. 2018). / По словам В. Гоздзевича, юрисконсульта учебного центра Объединенных сил НАТО, кампании дезинформации по-прежнему останутся важной частью гибридных конфликтов.

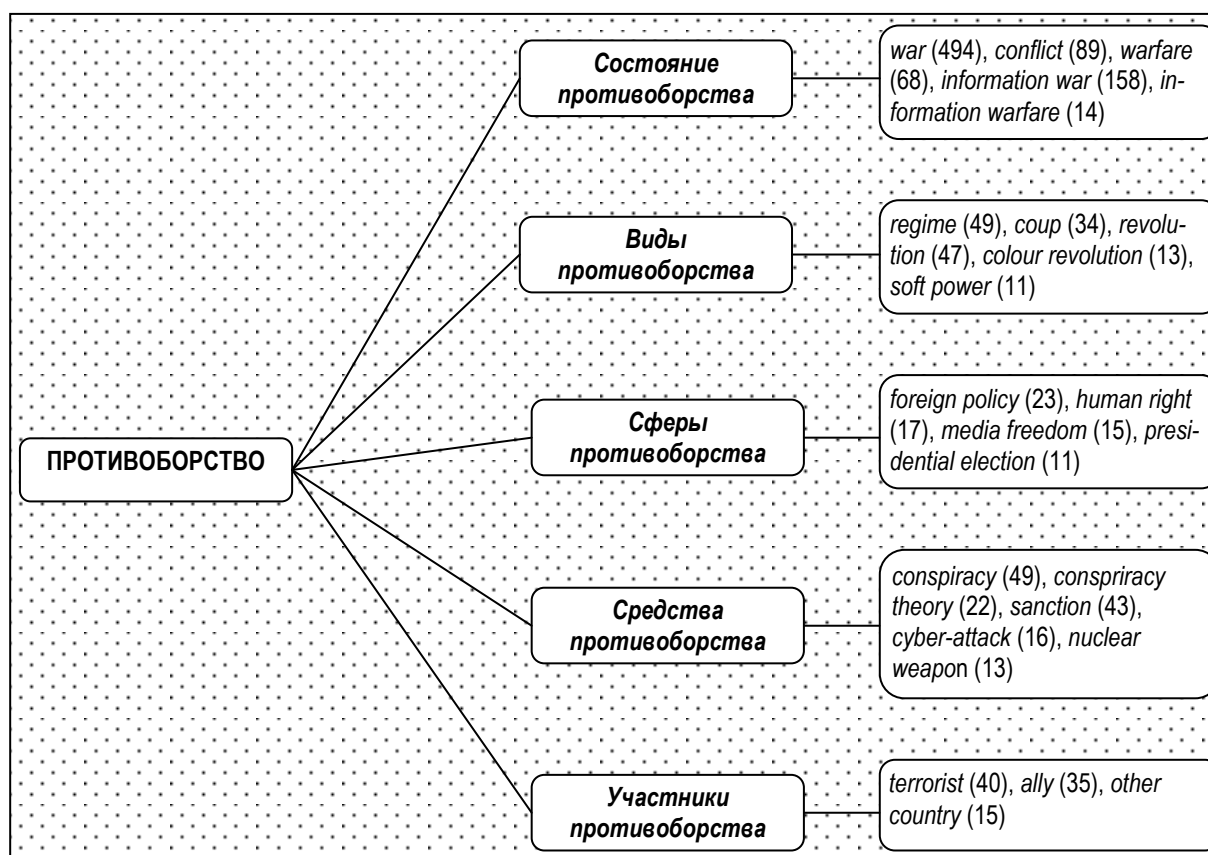

Рис. 2. Макрофрейм «ПРОТИВОБОРСТВО» (фреймо-слотовый состав)

Фрейм **«Виды противоборства»**. В эпоху противостояния в англоязычных СМИ называются традиционные и относительно новые формы противоборства: *regime* (49), *coup* (34), *revolution* (47), *colour revolution* (13), *soft power* (11). Фрейм систематизирован представлениями о способах правления, переворотах, захвате власти, внезапном, радикальном изменении в политическом устройстве, ненасильственной политической борьбе, смене правящих режимов, «мягкой» силе, способности получать результаты в отношениях с другими государствами за счет сотрудничества в определенных сферах. В контексте актуализируются два фрейма. Британские журналисты указывают на соотношения понятий «мягкой силы» и «информационной войны» и их значимость для России. Ср.: *Without completely disappearing, the notion of soft power has been eclipsed by that of «information war», whose acceptance is literal and extensive in Russia* (Yahoo. 20.04.2017). / *He исчезнувшее совсем, но потесненное «информационной войной» понятие «мягкая сила» в России воспринимается буквально и широко.*

Фрейм **«Сферы противоборства»**. Словотворный состав: *foreign policy* (23), *human right* (17), *media freedom* (15), *presidential election* (11). Основная сфера противоборства по данным корпуса — политика: внешняя политика суверенного государства в его взаимодействии с другими государствами, а также внутренняя политика, включающая борьбу за свободу массовой информации, гарантии независимого функционирования СМИ, права человека, президентское кресло. Так, в одном из контекстов отмечается, что на уровне деятельности журналистов, государства и общества свобода американских медиа терпит провал. Ср.: *We all — journalists, the state and society — failed in terms of media freedom* (The Huffington Post. 24.10.2015). / *Мы все — журналисты, государство и общество — потерпели неудачу в отношении свободы СМИ.*

Фрейм **«Средства противоборства»**. Слоты: *conspiracy* (49), *conspiracy theory* (22), *sanction* (43), *cyber-attack* (16), *nuclear weapon* (13). Средствами осуществления противоборства являются заговоры, конспирологические теории, санкции, кибератаки, угроза применения ядерного оружия. Например, по делу Скрипалей (2018 г.) Россия обвиняется в продвижении ложных утверждений для поддержки теорий заговора против Великобритании. Ср.: *Russia has very clearly been promoting these false claims in order to fuel the plethora of conspiracy theories and cast doubt on the UK's version of events* (Bellingcat.

02.10.2018) / *Россия очень явно продвигала эти ложные утверждения, чтобы подпитывать многочисленные теории заговора и ставить под сомнение версию Великобритании.*

Фрейм **«Участники противоборства»**. Выделяются слоты *terrorist* (40), *ally* (35), *other country* (15). Активизируются представления о практиках терроризма, использовании террора в целях принуждения, государствах-союзниках и других неперсонализированных участниках. В американских изданиях утверждается особая роль русских в осуществлении манипуляции через Интернет на территории других государств. Ср.: *The Saudis aren't quite as good as the Russians at manipulating the Internet in other countries, though they are beginning to try* (The Washington Post. 17.10.2018). / Саудовцам далеко до русских в манипулировании Интернетом в других странах, хотя они начинают пытаться.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье продемонстрировано, что сочетание социально-конструкционистского, когнитивно-дискурсивного и корпусного подходов оказывается продуктивным для анализа концептуально сложных структур, объективируемых в медиакommunikации. Переход от формальных показателей к содержательным с учетом прототипической и контекстуальной семантики ключевых слов и словосочетаний необходим для более глубокого понимания механизмов дискурсивной актуализации ментальных образований концептуально сложного типа.

Привлечение данных корпуса позволило выделить два макрофрейма, конституирующих дискурсивный мир ИПВ в англоязычных медиа и играющих определяющую роль в его организации. Установлено, что в структурно-содержательном плане макрофрейм «ПРОТИВОБОРСТВО» имеет разветвленную организацию, очерченную фреймами «Состояние противоборства», «Виды противоборства», «Сферы противоборства», «Средства противоборства», «Участники противоборства». В структуре макрофрейма «ИНФОРМАЦИЯ» выявлены фреймы «Характер информации», «Каналы распространения», «Средства распространения», «Распространители информации», которые ограничивают матрицу медиадискурсивных смыслов.

Дискурсивный мир, конструируемый в англоязычных СМИ, формирует предвзятое отношение читателей к России. Идеологические импликации, характеризующие информационно-психологическое противоборство между Западом и Россией, выявляются на основе фреймовой фокусировки на ключе-

вых политических проблемах. В информационном отношении речь идет о пропаганде и дезинформации, получающих распространение по медиаканалам благодаря деятельности журналистов и хакеров. В отношении противостояния англоязычная медиареальность отражает разновидности конфликтов и войн, имеющих традиционные и новые гибридные формы во внешней и внутренней политике, получающих реализацию через заговоры, санкции, кибератаки и угрозы ядерной катастрофы. Россия позиционируется как мощное государство, представляющее серьезную опасность для Запада, которое выполняет спланированные действия по ведению информационной войны.

Изучение особенностей дискурсивного мира ИПВ как репрезентационной структуры в зарубежных медиа призвано внести вклад в теорию языка информационного противостояния. Перспективы исследования видятся в связи с дальнейшим изучением ментально-языковых структур в национально-культурных вариантах медийной коммуникации разных стран с применением корпусного инструментария. Это может оказаться плодотворным для дискурсологии, теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования, лингвистики информационно-психологической войны, корпусной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляевская, Е. Г. Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения / Е. Г. Беляевская. — Текст : непосредственный // Интерпретация мира в языке : коллективная моногр. — Тамбов, 2017. — С. 82—158.
2. Богоявленская, Ю. В. Репрезентативность лингвистического корпуса: метод верификации достоверности полученных данных / Ю. В. Богоявленская. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2016. — № 4 (58). — С. 163—166.
3. Борискина, О. О. Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике / О. О. Борискина, М. М. Шилихина. — Текст : непосредственный // Политическая наука. — 2017. — № 2. — С. 30—53.
4. Йоргенсен, М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. В. Йоргенсен, Л. Дж. Филлипс. — Харьков : Гуманитар. центр, 2008. — 352 с. — Текст : непосредственный.
5. Кубрякова, Е. С. К проблеме ментальных репрезентаций / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков. — Текст : непосредственный // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2007. — № 4. — С. 8—16.
6. Кушнерук, С. Л. Развитие лингвистики информационно-психологической войны: методологическая неоднородность и первые результаты / С. Л. Кушнерук, А. П. Чудинов. — Текст :

электронный // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. — № 4. — Ч. 1. — С. 105—118. — URL: http://discourseworld.ru/electronic-library/stati/kushneruk_s_l_chudinov_a_p_2019_razvitiye_lingvistiki_informatsionno-psikhologicheskoy_voyny_metodolo/ (дата обращения: 10.08.2020).

7. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. Кн. 1. Разум вне машины / Дж. Лакофф. — Москва, 2011. — 512 с. — Текст : непосредственный.

8. Лингвистика информационно-психологической войны : монография. Книга I / под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. — 340 с. — Текст : непосредственный.

9. Лингвистика информационно-психологической войны : монография. Книга II / под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. — 487 с. — Текст : непосредственный.

10. Лингвистика информационно-психологической войны : монография. Книга III / под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2020. — 344 с. — Текст : непосредственный.

11. Шмелева, Т. В. Ключевые слова текущего момента / Т. В. Шмелева. — Текст : непосредственный // Colloquium. — 1993. — № 1. — С. 33—41.

12. Creswell, J. Research Design: Qualitative, Quantitative and mixed method approaches / J. Creswell. — 4rd ed. — London : Sage, 2009. — Text : unmediated.

13. Gavins, J. The Text World Theory: An Introduction / J. Gavins. — Edinburgh Univ. Press, 2007. — Text : unmediated.

14. Hall, S. (ed.). Representation: cultural representations and signifying practices / ed. S. Hall. — Sage Publications, 2009. — Text : unmediated.

15. Johnson, R. Mixed method research: a research paradigm whose time has come / R. Johnson, A. Onwuegbuzie. — Text : unmediated // Educational Researcher. — 2004. — № 33 (7). — P. 14—26.

16. News on the Web. — URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (date of access: 1.07.2020). — Text : electronic.

17. Qaiwer, S. N. A Study of Identity Construction in Political Discourse: Thesis submitted to the University of Nottingham for the Degree of Doctor of Philosophy / S. N. Qaiwer. — 2016. — URL: https://www.researchgate.net/publication/309607807_A_study_of_identity_construction_in_political_discourse (date of access: 12.07.2020).

18. Tincheva, N. Discourse-world profiling expressions: contrasting data from British and Bulgarian political speeches / N. Tincheva. — Text : electronic // Language Close Up. — Sofia : Sofia University Press, 2018. — P. 297—317. — URL: https://www.researchgate.net/publication/331198543_DISCOURSE_WORLD-PROFILING_EXPRESSIONS_CONTRASTING_DATA_FROM_BRITISH_AND_BULGARIAN_POLITICAL_SPEECHES (date of access: 12.07.2020).

19. Dijk, T. A. van. Macrostructures: an interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition. — Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1980. — 316 p.

20. Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse / P. Werth. — London : Longman, 1999. — 390 p. — Text : unmediated.

21. World Building: Discourse in the Mind / J. Gavins, E. Lahey, (eds.). — Bloomsbury. — 2016. — 296 p.

S. L. Kushneruk

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
ORCID ID: 0000-0003-4447-4606 ✉

✉ **E-mail:** Svetlana_kush@mail.ru.

Discourse World of Information and Psychological Warfare: Representational Structure in the Corpus

ABSTRACT. The article deals with the issues of world modeling in foreign mass media. It explores the discursive world of information and psychological warfare objectified by the textual means of English-language mass media. The aim of

the study is to characterize the discourse world of information and psychological warfare as a representational structure on the basis of the corpus data. Research tasks comprise the identification of the key macroframes and of the specificity of formation of frames and ideological implications reflecting the media reality constructed in the world of discourse. The sample contains 101 texts from the "News on the Web" corpus published over the period from 2015 to 2020. The study employs the descriptive method, the discourse analysis, the contextual analysis, and the mixed method of qualitative and quantitative analysis.

The study investigates the ontological characteristics of the discourse world of information and psychological warfare and defines the notion of representational structure. The author attests the feasibility of the combination of socio-constructionist, cognitive-discursive and corpus approaches for the analysis of mental and linguistic constructs of discourse.

The representational structure in the English-language media is parameterized. To reveal the macroframes, involved in the media discursive meaning-making, a quantitative analysis of the key elements, found in the corpus, is carried out. A qualitative characteristic of the discourse world of information and psychological warfare via key nouns and phrases, singled out in the corpus is given. It is argued that the macroframes INFORMATION and CONFRONTATION serve as cognitive 'pillars' of discourse world of information and psychological warfare, and that they have an elaborate frame-slot organization. The article looks at the framing foci as interpretative schemas, according to which readers' opinions are shaped. The author analyzes the ideological implications which determine the nature of confrontation between the West and Russia. The results of the study may present interest to discourse analysts and the scholars who develop the World-Modeling Theory.

KEYWORDS: information and psychological warfare; discourse world; world modeling; political discourse; cognitive-discursive approach; cognitive linguistics; English; linguistic means; journalism; media linguistics; media discourse; media texts; mass media; language of mass media.

AUTHOR'S INFORMATION: Kushneruk Svetlana Leonidovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of English Philology, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University; Professor of Department of Theory and Practice of the English Language, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.

FOR CITATION: Kushneruk, S. L. Discourse World of Information and Psychological Warfare: Representational Structure in the Corpus / S. L. Kushneruk // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 12-21. — DOI 10.26170/pl20-05-01.

ACKNOWLEDGMENTS. The research on the topic "World-Modeling in Media Discourse against the Backdrop of Global Challenges: Cognitive, Pragmatic and Ideological Aspects" has been carried out with financial support of Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evseev (research contract of 01.06.2020, № 16-298).

REFERENCES

1. Belyaevskaya, E. G. Interpretation of Knowledge about the World in Language: Methods of Study / E.G. Belyaevskaya. — Text : unmediated // Interpretation of the World in Language : collective monograph. — Tambov, 2017. — P. 82—158. [Interpretatsiya znaniy o mire v yazyke: metody izucheniya / E. G. Belyaevskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Interpretatsiya mira v yazyke : kollektivnaya monogr. — Tambov, 2017. — S. 82—158]. — (In Rus.)
2. Bogoyavlenskaya, Yu. V. Representativeness of the Linguistic Corpus: a Method for Verifying the Reliability of the Data Obtained / Y. V. Bogoyavlenskaya. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2016. — No. 4 (58). — P. 163—166. [Reprezentativnost' lingvisticheskogo korpusa: metod verifikatsii dostovernosti poluchennykh dannykh / Yu. V. Bogoyavlenskaya. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2016. — № 4 (58). — S. 163—166]. — (In Rus.)
3. Boriskina, O. O. Corpus Studies of Political Discourse in Linguistics / O. O. Boriskina, M. M. Shilikhina. — Text : unmediated // Political Science. — 2017. — No. 2. — P. 30—53. [Korpusnye issledovaniya politicheskogo diskursa v lingvistike / O. O. Boriskina, M. M. Shilikhina. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya nauka. — 2017. — № 2. — S. 30—53]. — (In Rus.)
4. Yorgensen, M. V. Discourse Analysis. Theory and Method / M. V. Jorgensen, L. J. Phillips. — Kharkov : Humanities Center, 2008. — 352 p. — Text : unmediated. [Diskurs-analiz. Teoriya i metod / M. V. Yorgensen, L. Dzh. Fillips. — Khar'kov : Gumanitar. tsentr, 2008. — 352 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
5. Kubryakova, E. S. To the Problem of Mental Representations / E. S. Kubryakova, V. Z. Demyankov. — Text : unmediated // Questions of Cognitive Linguistics. — 2007. — No. 4. — P. 8—16. [K probleme mental'nykh reprezentatsiy / E. S. Kubryakova, V. Z. Dem'yankov. — Tekst : neposredstvennyy // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — 2007. — № 4. — S. 8—16]. — (In Rus.)
6. Kushneruk, S. L. Development of Linguistics of Information-psychological Warfare: Methodological Heterogeneity and First Results / S. L. Kushneruk, A. P. Chudinov. — Text : electronic // Ecology of Language and Communicative Practice. — 2019. — No. 4. — Part 1. — P. 105—118. [Razvitie lingvistiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny: metodologicheskaya neodnorodnost' i pervye rezul'taty / S. L. Kushneruk, A. P. Chudinov. — Tekst : elektronnyy // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2019. — № 4. — Ch. 1. — S. 105—118]. — URL: http://discourseworld.ru/electronic-library/stati/kushneruk_s_l_chudinov_a_p_2019_razvitie_lingvistiki_informatsionno-psikhologicheskoy_voyny_metodolo/ (date of access: 10.08.2020). — (In Rus.)
7. Lakoff, J. Women, Fire and Dangerous Things: What Categories of Language Tell Us About Thinking. Book. 1. Mind Outside the Machine / J. Lakoff. — Moscow, 2011. — 512 p. — Text : unmediated. [Zhenshchiny, ogon' i opasnye veshchi: chto kategorii yazyka govoryat nam o myshlenii. Kn. 1. Razum vne mashiny / Dzh. Lakoff. — Moskva, 2011. — 512 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
8. Linguistics of Information-psychological Warfare : Monograph. Book I / ed. prof. A. P. Skovorodnikov. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2017. — 340 p. — Text : unmediated. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monografiya. Kniga I / pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2017. — 340 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
9. Linguistics of Information-psychological Warfare : Monograph. Book II / ed. prof. A. P. Skovorodnikov. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2019. — 487 p. — Text : unmediated. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monografiya. Kniga II / pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2019. — 487 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)
10. Linguistics of Information-psychological Warfare : Monograph. Book III / ed. prof. A. P. Skovorodnikov. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2020. — 344 p. — Text : unmediated. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monografiya. Kniga III / pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2020. — 344 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

11. Shmeleva, T. V. Shmeleva T. V. Key Words of the Current Moment / T. V. Shmeleva. — Text : unmediated // *Collegium*. — 1993. — No. 1. — P. 33—41. [Klyuchevye slova tekushchego momenta / T. V. Shmeleva. — Tekst : neposredstvennyy // *Collegium*. — 1993. — № 1. — S. 33—41]. — (In Rus.)
12. Creswell, J. Research Design: Qualitative, Quantitative and mixed method approaches / J. Creswell. — 4rd ed. — London : Sage, 2009. — Text : unmediated.
13. Gavins, J. The Text World Theory: An Introduction / J. Gavins. — Edinburgh Univ. Press, 2007. — Text : unmediated.
14. Hall, S. (ed.). Representation: cultural representations and signifying practices / ed. S. Hall. — Sage Publications, 2009. — Text : unmediated.
15. Johnson, R. Mixed method research: a research paradigm whose time has come / R. Johnson, A. Onwuegbuzie. — Text : unmediated // *Educational Researcher*. — 2004. — № 33 (7). — P. 14—26.
16. News on the Web. — URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (date of access: 1.07.2020). — Text : electronic.
17. Qaiwer, S. N. A Study of Identity Construction in Political Discourse: Thesis submitted to the University of Nottingham for the Degree of Doctor of Philosophy / S. N. Qaiwer. — 2016. — URL: https://www.researchgate.net/publication/309607807_A_study_of_identity_construction_in_political_discourse (date of access: 12.07.2020).
18. Tincheva, N. Discourse-world profiling expressions: contrasting data from British and Bulgarian political speeches / N. Tincheva. — Text : electronic // *Language Close Up*. — Sofia : Sofia University Press, 2018. — P. 297—317. — URL: https://www.researchgate.net/publication/331198543_DISCOURSE_WORLD-PROFILING_EXPRESSIONS_CONTRASTING_DATA_FROM_BRITISH_AND_BULGARIAN_POLITICAL_SPEECHES (date of access: 12.07.2020).
19. Dijk, T. A. van. Macrostructures: an interdisciplinary study of global structures in discourse, interaction, and cognition. — Hillsdale : Lawrence Erlbaum Associates, 1980. — 316 p.
20. Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse / P. Werth. — London : Longman, 1999. — 390 p. — Text : unmediated.
21. World Building: Discourse in the Mind / J. Gavins, E. Lahey, (eds.). — Bloomsbury. — 2016. — 296 p.